

В.В.БРЫСКИН
СТАРЫЕ ФОТОГРАФИИ

Новосибирск
1996

Дома у нас есть большой картонный ящик, в котором хранятся последствия моего увлечения фотографией. Сотни, а, может быть, и тысячи любительских снимков, сделанных не слишком хорошими аппаратами и не слишком удачливым фотографом, не чаще одного или двух раз в году извлекаются на свет Божий и напоминают нам о прошедшем. А остальное время они мирно лежат в дальнем углу верхней полки встроенного шкафа, наверное, о чём-то переговариваясь друг с другом.

Очередной раз я добрался до них, начав иллюстрировать свои воспоминания о морской службе. Понятно, что из тысяч претендентов нужно было выбрать всего несколько десятков. Любой отбор предполагает какие-то принципы классификации и определённую «жестокость» к тем, кто попадает в такой классификации на нижние строчки. Занимаясь этой работой, я неожиданно обнаружил, что порыжевший снимок любого из моряков нашей лодки или бригады оказывается дорог мне не столько из-за своих худо-

жественных достоинств (в большинстве случаев их просто не наблюдалось), а как память о живом, чаще всего, — добром и работающем человеке, пусть и не без каких-то недостатков и былых огорчений, доставленных своему сослуживцу или командиру, то есть мне. По этим причинам сортировка фотографий оказалась для меня довольно-таки тяжёлым делом: мне никого не хотелось «оставлять» в ящике. Большинство изображённых на моих училищных и тихоокеанских снимках людей не знакомо другим членам нашего семейства, и я почувствовал «персональную ответственность» за сохранность уже никому не интересных свидетельств моей прежней жизни. Как малому ребёнку, мне захотелось «защитить» легко ранимые снимки, я собрал их в отдельные пакеты и перетащил в свою и так без меры захламлённую разными предметами комнату. А многие из отобранных фотографий после сканирования и вовсе получили электронные копии, которым уже не страшно

старение эмульсии и другие физические напасти времени.

И вот, выполняя всю эту работу и задумываясь над её смыслом, я почувствовал некоторую смутную тревогу, причина которой не скоро «дошла» до моего сознания.

Дело было в совсем других снимках, где не было ни моря, ни моряков, ни наших ребятшек. Добротные творения профессиональных фотографов конца прошлого и начала нынешнего века (а ведь и он того гляди закончится) и наспех сделанные фронтовые снимки изображали уже ушедших от нас представителей былых поколений. Пожалуй, теперь я оказался единственным человеком, который может хоть что-то сказать об этих людях: моих родственниках, их друзьях и знакомых. Ещё немного, и тонкая ниточка памяти порвётся, прибавив к миллионам бесследно канувших в Лету и эту малую толлику российских жителей.

Мне это показалось несправедливым. Для начала я выбрал немногочисленные «на-

стоящие» фотографии из нагромождения собственных творений и принялся спасать их всё теми же компьютерными и литературными средствами, которые помогали мне при изготовлении других воспоминаний.

Давайте посмотрим, что из этого получилось.

Жили-были дед и бабушка...

Прадеды наши жили до появления в России фотоаппаратов, и мы уже никогда не узнаем как они выглядели. А деды, хоть и редко, но попадали в поле зрения объективов. Впрочем, почему сразу деды. В те далёкие времена они ещё таковыми не были.

Итак, в 18.. году в подмосковном городе Егорьевске перед аппаратом местного фотографа Н.Д.Зенина (Мастерская светописи, выполняются всевозможные фотографические работы) оказался крестьянин из деревни Золотово Раменского уезда Фёдор Иванович Сеницын.

Это и был мой будущий дед. Никаких официальных сведений о его существовании, кроме записи в метрическом свидетель-

стве моей мамы у меня не осталось, так что восполнять этот несправедливый «вакуум» нам придётся по смутным воспоминаниям о рассказах моей родительницы.

Фёдор Иванович был младшим сыном в многодетной семье, и поэтому, став самостоятельным человеком, получил от родителей только помощь в постройке дома, да и то на двоих с братом. А лошади — одной из главных составляющих крестьянской жизни — ни ему, ни брату в наследство не досталось. Лошадь была приобретена только во время первой мировой войны, как я понимаю, не без денежной помощи старшего сына Ивана, который сначала выучился на бухгалтера, а потом стал скороспелым прапорщиком военного времени. Об этом событии (появлении «в семье» лошади) моя маманя рассказывала несколько раз, что свидетельствует о крайней его значимости, поэтому и здесь нельзя обойти эти рассказы вниманием. Собственно на базаре был куплен не сам рабочий конь, а только предпосылки к его

появлению в виде донельзя измождённой жерёбой кобылы, которая, уж не знаю как добравшись до жилища нового хозяина, была сразу подвешена в сарае на помочах: ноги её не держали. И сразу после рождения жеребёнка несчастное создание покончило счёты со своей многострадальной жизнью. А потомок её, так и названный Коньком, выжил и честно служил хозяевам вплоть до проклятых событий начала тридцатых годов, которые носили название «коллективизации». Но здесь я, как всегда, забегаю вперёд, давайте сначала разберёмся с другими основными событиями жизни семейства Синицыных.

Женат Фёдор Иванович был на Марии Фёдоровне, происходила она из того же Золотова. Девичьей фамилии её я не знаю, в материной метрике она, естественно, числится уже Синицыной. В своих рассказах мама моя бабушку иначе как *маманей* не называла, мне думается, что это ёмкое слово немало говорит о давно ушедшем от нас челове-

ке: при своенравном характере упрямого деду бабушка была его тихим «противовесом».

Ну а теперь давайте займёмся кое-какими расчётами. Детей в семье, как это тогда водилось, было много. Старший – Иван – погиб уже в гражданскую (в Красной армии) в возрасте двадцати двух лет. Из этого факта можно сделать вывод, что дед и бабушка родились где-то в семидесятых годах прошлого века. Следующая дочь – Сима – умерла от чахотки в 1917 году. Потом была ещё одна дочка – Анечка, она умерла младенцем. Тётка Зоя 1900 года рождения прожила 73 года. Потом был дядя Фёдор, моя мать Саня 1910 года рождения и дядя Костя – 1912. Ну а потом начались войны и следующие за ними социальные потрясения.

Конечно, об этом времени я почти ничего не знаю, хотя у нас в семье не раз сопоставлялся тот же голодный рацион питания во время уже следующей Великой войны с тем, что был четверть века тому назад. Сколько помнила мать, мясное блюдо было крайней

редкостью, а многие годы и растительная пища присутствовала не в избытке. К этому следует добавить, что нынешнее овощное изобилие тогда жителям Подмосковья было просто незнакомо: например, помидоры маленькая Саня впервые увидела на поле местного помещика и приняла их за яблоки. Девчонки попробовали диковинных плодов, они оказались несладкими.

В этом месте нашего рассказа самое время посмотреть на его маленькую героиню. В 1917 или 1918 году какой-то заезжий фотограф сделал снимок Синицынского семейства прямо возле дома. Лет тридцать тому назад маманя попросила меня увеличить фрагмент этой фотографии, и он сохранился в нашей коллекции. Возле явно усталой Марии Фёдоровны сидит «новенькая» девочка Саша, с удивлением взирающая на фотокудесника и его аппарат. Мать очень любила рассматривать эту фотографию, каждый раз поражаясь переменам, которые производит в

нас Время. Но о моей маме речь у нас будет впереди, вернёмся к дедушке и бабушке.

Никаких снимков родителей моей матери, датированных до конца тридцатых годов, у нас не осталось. А воды за это время утекло немало. Как я уже вспоминал, дед угодил под жернова проклятой коллективизации. Конечно, со своим единственным Коньком на восьмерых или семерых едоков он в категорию эксплуататоров уж совсем не попадал

ни по какому раскладу. Но он любил ходить в церковь, пел там в хоре (у большинства Синицыных были музыкальные способности) и даже был старостой этого хора. Если добавить к таким антисоциальным наклонностям природное упрямство деда, то понятно, почему семья оказалась в списках «кулаков», подлежащих выселению в Сибирь. Насколько я понимаю, делалось это не в обстановке всеобщего озверения. В частности, какие-то молодые ребята из ГПУ предупредили дядю Фёдора и мою маму (она училась в Раменском) чтобы те на время воздержались от возвращения в Золотово. Но остальную семью лишили имущества и вывезли в Сибирь, в город Сталинск, где нужны были бесплатные работники для обустройства нового угольного бассейна. Большинство деталей жизни деда и бабушки на новом месте мне не известны. Знаю только, что тётка Зоя и там работала портнихой, а дядя Костя, по семейной традиции, стал бухгалтером. А родители мамы были уже пожи-

лыми людьми, для которых переселение из родных мест смерти подобно, в прямом и переносном смысле.

Так ни разу и не увидевшая меня бабушка вскоре после ссылки в Сибирь умерла, а дед перед смертью побывал в Подмосковье. Его приезд в Фомино — подмосковную деревню, где мы жили, я смутно помню. Немного-словный человек с бородой малость пугал меня, наверное, чутьём ребёнка я улавливал и какие-то другие оттенки отношения деда к нежеланному внуку. А по-человечески чувства деда к отпрыску «комиссара» вполне понятны, если учесть всё, что эти самые комиссары с ним сделали. Дед тоже умер до войны. К моему огорчению, точных дат начала и конца его жизни я так и не узнал. Давайте ещё раз посмотрим на его последний снимок вместе с моей любимой тёткой Зоей, он помещён на обложке. Как мне кажется, невесёлая фотография.

Из бумаг от деда осталось только одно письмо матери. Всё содержание этого по-

слания посвящено проблеме перелицовки какого-то пальто, для чего требовалось пересылать потёртые детали изделия через всю огромную страну.

В тяжкой работе моего нынешнего освобождения от коммунистического дурмана и это письмо сыграло свою роль. Много лет тому назад я впервые осмысленно прочитал записки Горького о встрече Ленина с Уэллсом. Англичанин, которому уж никак не откажешь в отсутствии всяческого воображения, пытался донести до нашего вождя ужас разорения нормальной жизни, которое он наблюдал в Петрограде. И вспомните, что было сказано Горькому после этого визита: «Какой мещанин!».

Воспитанный в обстановке «социалистического» нравственного одичания, в молодости и я не придавал словам Уэллса должного значения. А теперь, перечитывая письмо несчастного старика, которому перед смертью ничего не оставалось как защищаться от сибирских морозов в перелицованной одежде,

с великим стыдом вспоминаю о мерзких марксистских постулатах (вроде классовой борьбы), гроша ломаного не стоящих по сравнению с вечными проблемами жизни и её окончания: иметь свой тёплый дом, достойную еду и одежду, не говоря уже об уважительном отношении окружающих людей.

А в прекрасную деревню Золотово мать меня свозила разок перед войной, наверное, раньше этого делать не следовало. Стояло лето, ярко светило солнышко, и за пойменными зелёными лугами неторопливо несла свои воды Москва-река...

Моя мама

В 1929 году, когда семью Сеницыных выдворяли в Сибирь, юная девушка Саня кончала в Раменском среднюю школу с педагогическим уклоном — техникум по более поздней классификации, который готовил учителей начальной школы. Как я уже упоминал, в ссылку она не попала, но оказалась

«без кола и без двора» и, к тому же, — и без работы: в стране свирепствовал кризис. В качестве дополнительного «наследства» при выпуске из школы преступное государство наградило Синицыну Сашу негласным титулом дочери кулака, и ещё долгое время после описываемых времён ей следовало помнить об этом и не «высовываться» лишний раз без надобности.

По направлению биржи труда новоявленная учительница пару раз подменяла временно отсутствующих коллег, а потом ей было предложено постоянное место в глухом углу Тверской губернии — селе Лесном, в местности, населённой в большей части карелами. Понятно, что в таких обстоятельствах это, прямо скажем, не очень удобное предложение было принято. Вместе с миллионами родственников бесчисленных жертв социальной смуты и мои родные стали объектом «перемешивания» населения страны. Дядя Фёдор, например, оказался жителем города Фрунзе. Компьютерных баз

данных в те времена не существовало, да и простой учёт, судя по воплям основоположника, не блистал особым порядком. Поэтому человек с «плохой» социальной родословной, удалившись от родных мест, мог чувствовать себя в относительной безопасности.

В это же село Лесное за сотни вёрст от станции Бологое на телеге привезли одного из «двадцатипятидесятников» — новоявленных крестоносцев социализма — Вениамина Ароновича Брыскина с его хромой матерью Фаиной Абрамовной. Прервав обучение в партийном институте, потомок местечковых евреев из Чернобыля должен был наставлять местных жителей в организации коллективного ведения сельского хозяйства. Но самого этого хозяйства в данной местности фактически не было: карелы вели полупатриархальный образ жизни и кормились от леса чем придётся. Вдобавок, сам посланец партии, по-моему, ничего не смыслил в сельскохозяйственном производстве, и его опре-

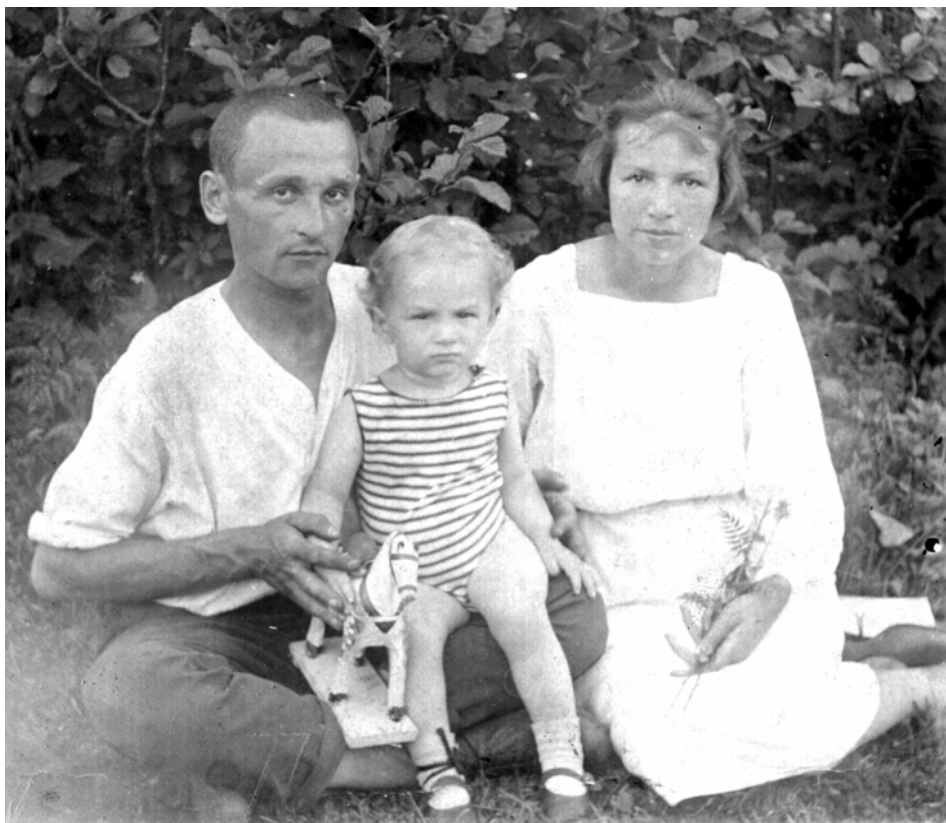
делили на более подходящее место – пропагандистом райкома партии.

Как бы то ни было, но моих будущих родителей судьба свела в Лесном, и, как это несметное число раз было до этого, они образовали ещё одну человеческую пару. Посмотрите на снимок, я, конечно, не могу быть объективным, но пара симпатичная.

А, через положенное природой время, появился на свет и сам будущий автор этих записок.

Доказательством этому, кроме множества других фактов, является любительская фотография, сделанная летом 1933 года.

Наверное, снимок совершил не одно путешествие по стране, так как на обороте его

есть пояснения, выполненные маминым учительским почерком: «Здесь Вовиньке 1 год и 6 месяцев, посмотри на его личико. Теперь по развитию ему можно дать 4-5 лет, а ведь ему только 2 года 4 месяца». Я очень далёк от преувеличения собственных способностей, но пометки юной мамы дышат такой любовью и сосредоточением на личности недостойного потомка, что у меня и сейчас перехватывает дыхание при их чтении.

А в жизни матери, наверное, всё остальное было не столь ослепительно безоблачным и счастливым. Как это часто случается в подобных ситуациях, хромая свекровь со своим жёстким характером за пару лет умудрилась разрушить молодую семью. Может быть и не стоило здесь этого вспоминать, но в арсенале бытовых скандалов использовался и упомянутый выше титул «дочери кулака». Я воздержусь от дальнейших комментариев, но в 1933 году, после возвращения в Москву (эпопея ударной коллективизации

закончилась), семья моих родителей распалась. Отец продолжал постижение своих марксистских наук, а мать начала работать в Фоминской начальной школе в 60 километрах к востоку от столицы. В удобной учительской комнате этой школы и прошло моё детство. Внешне родители не враждовали, я довольно свободно перемещался между ними, перед войной пару раз проводил лето с отцом на вошедшей в моду «даче», но глухое неблагополучие разрушенной семьи хорошо запомнилось.

Перед войной отец женился повторно на молоденькой медсестре Тане, она была старше меня всего на десять лет. Мне трудно судить о личной жизни матери (особенно до войны), но один эпизод этой жизни нашёл своё отражение в моём ящике с фотографиями. Морозной зимой 1942 года у нас какое-то время отстаивался личный состав тяжёлого артиллерийского полка. Помещения всех окрестных школ были заняты военными, естественно, я крутился возле них, «впи-

тывая» как губка не очень понятные разговоры. Среди офицеров был симпатичный политрук Александр Михайлович, до войны он работал учителем математики. Мне запомнились его рассказы об отступлении, когда политруку пришлось сутками держать на прицеле нагана водителя тягача, чтобы тот не сбежал со страху. Пушки, в конце концов, были доставлены к своим.

Запомнился и поход к артиллеристам в Рахманово, где они размещались, за керосином, это дефицитное вещество служило нам для освещения. Кроме трёхлитрового бидона с пахучим топливом, мне дали стакан чая с сахаром и ломтик хлеба с маслом, таких деликатесов с сентября 1941 года я не видел. Так что эти куцые бытовые воспоминания остались у нас вместе с двумя фотографиями – большой и маленькой (с пропуска), как говорится, на всю оставшуюся жизнь.

Никаких писем потом от Александра Михайловича не приходило: он, видимо, погиб сразу после возвращения на фронт. Давайте помянем его хоть таким способом...

Дальнейшая жизнь матери протекала в чисто женском обществе коллег-учительниц, а после войны, в 1948 году, к ней приехала сестра Зоя. Через десять лет после этого мать бросила свою работу и стала руководить нашим семейством, сначала в Находке, а потом в Новосибирске. Здесь она и скончалась 8 марта 1983 года, на четыре дня пережив очередной день рождения. Последние два года она провела в постели, мучаясь от рака лёгких. И до болезни фотографироваться маманя не любила, мы с трудом нашли карточку для памятника, это был снимок для паспорта, впрочем, не лишённый достоверности.

Отец

Мне вовсе не хочется походить на современного политического клоуна, который при отце-еврее объявил себя «сыном юриста». Просто, разведясь с матерью, отец автоматически поставил себя на второй план в моей жизни, и в таком порядке я и возьмусь за его краткое иллюстрированное описание.

О бабушке по отцовской линии я уже упоминал, а следы её мужа бесследно потеряны на Украине. По-моему, он сбежал из семьи, когда дети (мой отец и будущая тётка Соня) были ещё маленькими. Хотя я представления не имею, что за человек был мой второй дед, и чем он занимался, зная характер Фаины Абрамовны, невольно испытываю к нему некоторое чувство солидарности.

В заварухе после окончания гражданской войны отец попал в Москву, беспризорничал там, но потом был подобран чекистами и определён учеником литейщика. Недолгие занятия этой работой произвели его в пред-

ставителя класса-гегемона, отец поступил на рабфак и, после его окончания, продолжал учёбу не где-нибудь, а в Институте красной профессуры, заведение это готовило преподавателей различных партийных наук. Об участии отца в строительстве социализма в Тверской губернии я уже упоминал. После окончания учёбы он стал преподавателем политэкономии в Московском горном институте. У нас сохранился снимок, запечатлевший его в этой роли.

По-видимому, работа преподавателя отцу нравилась, перед войной он интенсивно изучал английский язык (тогда это не было модным) и даже писал какую-то диссертацию. Во время эвакуации московские бумаги затерялись, и я ничего не могу сказать о содержании и нынешних оценках этой работы.

Может быть, здесь и не место моим куцым впечатлениям об отце (я даже толком не помню его голоса), но навсегда осталось ощущение надёжности и «опоры», которую олицетворял родитель и когда он ловил огромных крыс в пустоватом московском жилище, и когда мы мылись в Даниловских банях, и когда я ехал на его плечах по заполненной народом первомайской Красной площади.

В соответствии со своими убеждениями отец рвался на советско-финляндскую войну, но из-за сильной близорукости его туда не пустили. А 23 июня 1941 года пригодились и близорукие доценты политэкономии.

Для начала ничего не смыслящих в военном деле марксистов направили на знаменитые курсы «Выстрел» для ускоренного обучения.

Через пару месяцев мы с матерью в пустом пригородном вагоне (проезд был по строго выдаваемым пропускам) приехали проститься с отцом в Москву, и больше я своего родителя не видел.

Воевал он тут же под Москвой, участвовал в зимнем контрнаступлении и даже получил в ходе боёв орден Красной звезды, заменив во время атаки погибшего командира роты. Сам-то он был инструктором политотдела в звании старшего политрука (капитана в строевом исчислении). Домой к нам приходили написанные чёт-те чем патриотические коротенькие письма с вырезками из дивизионной газеты. Кроме описания упомянутого выше боя, где отличился отец, из этих писем я впервые узнал о мальчишке Ване Андрианове, который во время нашего наступления успел перебраться через линию огня и сообщить нашим важные сведения, юного героя награждали орденом вместе с отцом. Была в письмах и фронтовая карточка. Как я ни старался со своими компьютерными средствами восстановления изображений, на этот раз ничего у меня не получилось: видно уж очень плотной оказалась «дымка времени».

На обороте, пожалуй, самого дорогого мне снимка чернильным карандашом написано «ХП.1942 Мусанов». Почему «1942» и кто такой Мусанов я уже никогда не узнаю: неизвестные мне многочисленные друзья отца погибли на войне, да и спохватился вспоминать о них я недопустимо поздно.

В апреле 1942 года к нам пришло извещение на клочке ученической тетради в клеточку о том, что отец «пропал без вести».

Однако, в отличие от позорной практики тех лет, когда такие жертвы войны считались не совсем «чистыми», по этому извещению мне начали платить пенсию и выписали в Павлово-Посаде городские карточки, я уже писал об этом.

Примерные обстоятельства гибели отца прояснились только двадцать лет спустя. С переездом в Академгородок у меня образовался немыслимый раньше запас времени, и я запоем поглощал сведения из множества газет и журналов. Среди последних был и «Военно-исторический журнал», в котором, несмотря на принятый в этом журнале «сухонный» язык, можно было вычитать кое-что из правды о прошедшей Войне. И мой интерес к такому чтению был стократно вознаграждён. Я наткнулся на заметку полковника Н.Бочина о сражениях у Смоленска весной 1942 года. Как водится, упоминания об этих событиях не присутствовали в нашей официальной военной истории: великие советские полководцы во главе со Сталиным

допустили грубый просчёт в оценке обстановки на Западном фронте, и в немецкий «котёл» попало множество бойцов из 33-й армии во главе с её командиром – генерал-лейтенантом Михаилом Григорьевичем Ефремовым. А в составе этой армии и была перечислена 113-я стрелковая дивизия, мутный угловой штамп которой стоял на извещении о гибели отца. Вместе с тёткиным мужем – Леонидом Яковлевичем Клебановым – фронтовиком «от звонка до звонка» – мы разыскали в Москве автора статьи, и даже разок выпили с ним. Полковник оказался бывшим начальником отдела кадров дивизии, политрука Брыскина из политотдела он, конечно, помнил очень смутно. Врать достойный вояка ничего не стал. Просто он сказал, что немецкие «клещи» отсекали его на нашей стороне, а основная масса бойцов дивизии осталась в «котле». Остатки отчаянно сопротивляющихся этих бойцов вместе с командармом немцы перебили прямо в центре маленького города Вязьма.

Сразу после войны до памятников павшим дело дошло не сразу, но у каких-то начальников воспоминания о событиях начала 1942 года, по-видимому, не давали покоя совести. Мало кому известный тогда скульптор Вучетич в 1946 году соорудил в центре Вязьмы памятник генералу Ефремову и его товарищам. Сейчас по-разному относятся к творчеству этого художника, но на мой непрофессиональный и лично заинтересованный взгляд, памятник в Вязьме — один из лучших.

Это место я и считаю могилой отца, не имея других о ней сведений. Обставленный прекрасными голубыми елями памятник контрастирует с запущенным городком, всякий раз наводя этим на размышления о вечных ценностях жизни.

Во время своего автомобильного бродяжничества по стране я несколько раз посещал святое место, мне бы хотелось, чтобы и потомки наши в мелкой суете жизни не забывали сделать это.

Чтобы уж покончить с незаживающей болью о судьбе отца, поделюсь с читателем одной своей горькой темой размышлений. Узнав к старости немало о прошедшей Войне, больше всего задним числом молю не существующего для меня Бога, чтобы пуля, поразившая отца, была с той, немецкой стороны. Зная о соотношении понятий Родина и «коммунизм», при должности отца нельзя исключить и выстрела в спину, а это уж совсем было бы непереносимо.

Натуральной могилы у отца нет, но мы поместим на воображаемый памятник фотографию прекрасного молодого человека, сознательно отдавшего свою жизнь за Родину и какие-то идеи, хотя последние, как сейчас становится всё яснее, вовсе того не стоили...

Дядя Фёдор

Мать так часто говорила о моём сходстве с любимым братом, что я сразу полюбил его при единственной нашей встрече где-то в 1940 году, хотя на поверку Фёдор Фёдорович оказался коварным обманщиком. Но обо всём по порядку.

От юношеских времён моего дядьки осталась фотография в «физкультурной» майке, которая в ту пору заменяла современные доспехи фирмы «Адидас». Потом майка не понравилась кому-то из владельцев снимка, и он замазал её чернильным карандашом. Так что мне при подготовке этого сочинения ничего уж не оставалось, как заретушировать злополучный предмет одежды чёрным цветом. Но читателю следует знать, что в исходном состоянии майка всё-таки была более весёлого цвета.

В отличие от упрямого деда, у дяди Фёдора был мягкий характер и множество друзей,

наверное, не без их помощи он и мама уклонились от ссылки в Сибирь. Но уезжать после этого всё равно куда-то было необходимо, и молодой бухгалтер оказался в далёком среднеазиатском городе Фрунзе. С учётом не очень здоровых лёгких (вспомним, сколько Синицыных погибло от этой напасти) новое место жительства следует признать очень удачным. А вскорости Фёдор Фёдорович нашёл там и свою судьбу — красавицу Машу с ещё более красивой дочкой Нонной.

События начала тридцатых годов постепенно уходили в прошлое, и, как я упоминал, перед войной тётя Маруся и дядя Фёдор приехали к нам погостить и посмотреть на родное Подмосковье. Дядька постоянно возился со мной и, в том числе, развлекал меня рассказами о неведомой Средней Азии. Я подозреваю, что маниакальная страсть к путешествиям в эти края объясняется именно упомянутыми довоенными рассказами. Среди объектов повествований Фёдора Фёдоровича о дальних странах, конечно, присутствовали ишаки. И надо же было так случиться, что во время поездки в Москву на выставку достижений социалистического сельского хозяйства (это был самый модный довоенный советский аттракцион, хотя само сельское хозяйство было разорено донельзя) среди редких автомашин на Садовом кольце мы увидели грузовик с ослами в кузове. Мои страсти по отношению к симпатичным животным разгорелись до предела, и дядька пообещал по приезде во Фрунзе немедленно

выслать мне маленького ишака. Каково же было моё разочарование, когда оказалось, что действительно присланный ослик не живой, а всего лишь изображение на открытке.

Здесь я вынужден обратиться ко всем взрослым людям с призывом ни в коем случае не давать неосуществимых обещаний кому бы то ни было (даже в ходе предвыборных кампаний): отрицательный эффект намного «перетягивает» исходные сиюминутные выгоды...

А возвращаясь к фотографии семейства дяди Фёдора, посмотрим на пометки, сделанные на обороте: «Фрунзе, 7/VIII 42. Не забывай нас. Мария, Фёдор. Снимок 10/VII 42». Давайте вспомним, какое это было время. Не зря у всех дорогих мне людей не очень весёлые лица.

Спустя некоторое время не совсем здоровый малообученный боец Сеницын прислал

короткую весточку с левого берега Волги напротив Сталинграда, и больше о нём вестей не приходило. Как я ни рассматривал многократно подправленные ужасно длинные списки в Сталинградском пантеоне, Сеницына с такими инициалами среди них не было.

Летом 44-го года у нас короткое время побывала Нонна, она была в положении и возвращалась по этой причине с фронта. А после войны река Времени и вовсе унесла её и тётю Марусю с нашей протоки.

Опять у нас получилась неведомая могила, а то и вовсе холодные волжские воды 1942 года. Но я всё равно предлагаю поместить на неё фотографию ясноглазого парня в дурацкой майке, который только-только научился играть в футбол и волейбол и, несмотря на все социальные гнусности, с надеждой смотрел на будущее.

Вот и закончилась тонкая пачка отобранных мною фотографий. К огорчению, на них не оказалось изображений сильно любивших меня бездетных тёток – Зои и Сони, правда, первая из них сфотографирована с дедом в Сибири.

Конечно, своей писаниной мне всё равно не «отплатить» полученное от этих родных, да и других людей, которые и составляют принципиально не поддающийся описанию объект по названию Родина. Но я уже привык к тому, что всё рано или поздно кончается.

<i>Жили-были дед и бабка.....</i>	<i>3</i>
<i>Моя мама .....</i>	<i>8</i>
<i>Отец .....</i>	<i>15</i>
<i>Дядя Фёдор .....</i>	<i>21</i>

© Владимир Вениаминович Брыскин.

Издание автора. Новосибирск. 1996

E-mail: brys@math.nsc.ru

<http://www.math.nsc.ru/LBRT/k5/brys.html>